

ЛЕ КОНТ, ВАН ЛЕВЕН и ДЕ МЕЙЕР (LE COMPTE, VAN LEUVEN AND DE MEYERE) против БЕЛЬГИИ¹

Судебное решение от 23 июня 1981 г.

(Application no. 6878/75; 7238/75)

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

(а) В июне 1971 г. Совет Ордена врачей провинции Западная Фландрия лишил д-ра Ле Конта, 1929 г. рождения, права заниматься медицинской практикой в течение трех месяцев; основанием для такого решения послужило то, что последний опубликовал в прессе сообщение о санкциях, которые ранее были на него наложены дисциплинарными органами Ордена, и высказывал критические замечания, оскорбительные для Ордена. Решение Совета было подтверждено в октябре 1972 г. Апелляционным советом Ордена, который, однако, не подтвердил обвинения в оскорблении. В мае 1974 г. Кассационный суд отклонил жалобу заявителя на решение Апелляционного совета. С этого момента был проведен ряд дисциплинарных разбирательств за разглашение в прессе спора заявителя с Орденом, а также и уголовных - за его отказ выполнить решения советов Ордена.

(б) В январе 1973 г. д-ру Ван Левену и д-ру Де Мейеру, соответственно 1931-го и 1940 г.г. рождения, были предъявлены обвинения в нарушении норм профессиональной этики: в частности, утверждалось, что они систематически занижали свои гонорары (даже при дежурствах) до сумм, компенсируемых страховыми кассами социального обеспечения, и бесплатно раздавали в частных домах журнал, выходящий два раза в месяц, в котором насмеялись над врачами общей практики. Совет Ордена провинции Восточная Фландрия принял решение о лишении их права заниматься врачебной практикой в течение одного месяца. Рассмотрев жалобу, Апелляционный совет Ордена сократил срок отстранения заявителей от медицинской практики до пятнадцати дней. В апреле 1975 г. Кассационный суд отклонил жалобу заявителей.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своих жалобах, переданных в Комиссию 28 октября 1974 г. и 21 октября 1975 г., все три заявителя утверждали, что обязательное нахождение в составе Ордена и, соответственно, обязанность подчиняться его правилам противоречит [ст.11](#) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и что в ходе их дисциплинарного преследования они были лишены гарантий, установленных [ст.6](#) Конвенции. Жалобы были признаны частично приемлемыми к рассмотрению 6 октября 1976 г. (Ле Конт) и 10 марта 1977 г. (Ван Левен). Тогда же Комиссия приняла решение об объединении этих дел; после безуспешной попытки добиться мирового соглашения сторон Комиссия подготовила доклад, в котором установила факты и пришла к выводу о том, что:

- не было нарушения ст.11 п. 1 Конвенции, т.к. Орден врачей не является ассоциацией (единогласно);
- статья 6 п. 1 применима к спорам, повлекшим дисциплинарные меры против заявителей (восемь голосов против трех);

---

¹ Источник: Источник: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1/ Председатель редакционной коллегии – доктор юридических наук, профессор В.А.Туманов. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С.341-359.

- имело место нарушение ст.6 п. 1 Конвенции, поскольку дело заявителей не разбиралось «публично» (восемь голосов против трех) «беспристрастным судом» (семь голосов против четырех).

Европейская Комиссия передала дело в Суд 14 марта 1980 г., Правительство Бельгии - 23 апреля 1980 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

(...)

I. О первичной жалобе по статье 10 Конвенции

38. В начале разбирательства дела, кроме ст.6 п. 1, 11 и 17, врачи Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер ссылались на ст.10: по их утверждению, дисциплинарные санкции, наложенные на них, были направлены на то, чтобы не дать им возможность распространять некоторые идеи и информацию. Таким образом, опротестовывались не процедура принятия Орденем решений и не обязанность врачей вступать в Орден, а само содержание принятых решений. Это был не просто один из доводов в обоснование жалоб заявителей по ст.ст.6 п. 1, 11 и 17, а отдельная жалоба. Она была отклонена Комиссией в связи с неисчерпанием внутренних средств защиты и не вошла в материалы дела, переданные в Суд (см., в частности, решение по делу *Шиссера* от 4 декабря 1979 г. Серия А, т. 34, с. 17, п. 41).

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

39. Заявители считают себя пострадавшими от нарушений ст.6 п. 1, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

40. Учитывая выдвигаемые заявителями требования, первая проблема, которую необходимо решить, - это вопрос о применимости ст.6 п. 1; таковой ее считает большинство Комиссии и не считает правительство.

A. О применимости статьи 6 п. 1 Конвенции

41. Ст.6 п. 1 действует только в отношении споров о правах и обязанностях гражданско-правового характера и «рассмотрения любого уголовного обвинения». Некоторые дела не подпадают под действие данной статьи, т. к. их нельзя отнести ни к одной из перечисленных категорий; Суд это констатировал неоднократно (см. например, решение по делу *Лоулесса* от 1 июля 1961 г. Серия А, т. 3, с. 51, п. 12; решение по делу *Неймастера* от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, с. 43, п. 23; решение по делу *Гуцарди* от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 39, с. 40, п. 108).

42. Таким образом, как это совершенно справедливо подчеркивается правительством в его ссылке на решение по делу *Энгеля* от 8 июня 1976 г., дисциплинарные преследования как таковые не относятся к «уголовным делам»; однако в конкретных случаях дело может обстоять совершенно иначе (Серия А, т. 22, с. 33-36, [п. 80-85](#)).

Как правило, такие преследования не сводятся к спорам о правах и обязанностях гражданско-правового характера (там же, с. 37, [п. 87 in fine](#)). Однако не исключена возможность того, что при некоторых обстоятельствах дело будет обстоять иначе. До сих пор Суду не приходилось специально решать подобный вопрос; [в деле Кенига](#), упомянутом Правительством и Комиссией, заявитель жаловался только на большие сроки рассмотрения дела административным судом, после того как исполнительный орган лишил его лицензии на управление клиникой, а затем запретил заниматься медицинской практикой (решение от 28 июня 1978 г., Серия А, т. 27, с. 8, п. 18 и с. 28, [п. 85](#); см. также вышеуказанное решение по делу *Энгеля*, с. 36-37, п. 87, первый абзац).

43. В данном случае необходимо установить, применима ли [ст.6 п. 1](#) Конвенции к части процедуры или к ней в целом при прохождении дела по всем инстанциям: в Советах провинций и Апелляционном совете, в компетенции которых находятся дисциплинарные вопросы, а затем в Кассационном суде, который является судебным органом.

Правительство, Комиссия и заявители обсуждали данную проблему, по крайней мере после принятия решения о приемлемости от 6 октября 1976 г. и 10 марта 1977 г., только в свете «спора о гражданско-правовых отношениях, правах и обязанностях». Суд считает уместным и для себя рассматривать дело с этих позиций.

1. О наличии «судебных споров» о правах и обязанностях гражданско-правового характера

44. Решения по делу *Рингейзена* от 16 июля 1971 г. и *Кенига* от 28 июня 1978 г. дают возможность выявить некоторые значения формулы «прав и обязанностей гражданско-правового характера». Первое значение показывает, что она охватывает «любую процедуру, результат которой является определяющим в отношении прав и обязанностей частного характера», даже если речь идет о споре между частным лицом и органом государственной власти; безотносительно к тому, на основании какого «закона должен быть разрешен спор» и какой орган компетентен вынести данное решение (Серия А, т. 13, с. 39, [п. 94](#)).

Эта формула лежала в основе дела *Кенига*, и среди обсуждавшихся прав было право на «продолжение медицинской практики после «получения необходимых разрешений». В свете обстоятельств дела Суд отнес данное право к области частного права, т. е. гражданского, в свете [ст.6 п. 1](#) Конвенции (см. вышеуказанное дело, с. 29-32, [п. 88-91](#) и [93-95](#)).

В последующей судебной практике выводы получили развитие в решении по делу *Голдера* от 21 февраля 1975 г. По этому делу Суд пришел к заключению о том, что «ст.6 п. 1 гарантирует каждому право на то, чтобы любая жалоба, связанная с гражданскими правами и обязанностями, рассматривалась в судебной инстанции» (Серия А, т. 18, с. 18, [п. 36](#)). Из этого следует, кроме прочего, что данная статья действует не только в отношении уже начатой процедуры: на нее может ссылаться каждый, кто, считая незаконным вмешательство в осуществление одного из своих (гражданских) прав, заявит, что не имел возможности возбудить дело в суде, отвечающем требованиям [ст.6 п. 1](#) Конвенции.

45. В настоящем деле следует прояснить первый момент: действительно ли речь идет о «судебном споре» в смысле «двух противостоящих требований». Дух Конвенции требует воспринимать это выражение не в узко техническом значении, но дать ему скорее

материальное, нежели формальное, определение, тем более что в английском тексте пункта 1 ст.6 эта «идея спора» четко не отражена («*In the determination of his civil rights and obligations*»), т. е. буквально – «при определении его гражданских прав и обязанностей»; ср. статью 49: «*dispute*» - «спор»).

Если исходить из того, что французское слово «*contestation*» говорит о том, что спор имеет место, то материалы дела свидетельствуют совершенно четко о его наличии. Орден врачей обвинил заявителей в дисциплинарных нарушениях, им пришлось защищаться, и на них были наложены санкции. Компетентным Советом провинции они были признаны виновными и временно лишены права заниматься профессиональной деятельностью: в отношении д-ра Ле Конта это было сделано заочно (Западная Фландрия), а в отношении д-ра Ван Левена и д-ра Де Мейера (Восточная Фландрия) - после того как их доводы были заслушаны Советом. В рассмотрении дел Апелляционным советом, заявители, пользуясь помощью адвоката, ссылались на ст.6 п. 1 и на ст.11 Конвенции. Искомое результата они, в целом, не добились, после чего обратились в Кассационный суд, ссылаясь, в частности, на Конвенцию (см. п.п. 10-11 и 15-19 выше).

46. Важно, чтобы «спор» относился к «правам и обязанностям гражданско-правового характера» и чтобы результат судебного разбирательства был «определяющим» для такого права (см. вышеуказанное решение по делу *Рингейзена*).

По утверждению заявителей, речь шла об их праве продолжать свою профессиональную деятельность; в решении по делу *Кенига* от 28 июня 1978 г. как раз и признавался «гражданский характер» данного права (вышеупомянутое решение, с. 31-32, п. 91 и 93).

По утверждению правительства, решения Советов провинций и Апелляционного совета в данном случае имели лишь «косвенное действие». В противовес тому, что было сделано административными судами Германии по делу *Кенига*, бельгийские компетентные органы, по утверждению правительства, не проверяли правомерность предшествующего акта об изъятии лицензии на медицинскую практику: им надлежало лишь проверить, были ли нарушения медицинской этики, которые оправдывали наложение дисциплинарных взысканий. Во всяком случае «спор по поводу права на дальнейшее занятие медицинской практикой» возник «на последующем этапе»: т. е. когда д-ра Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер обратились в Кассационный суд, назвав незаконными меры, принятые по отношению к ним. Правительство утверждало также, что право не имеет «гражданского характера»; оно призывало Суд отойти от позиции, занятой в решении по делу *Кенига*.

47. Что касается вопроса о том, идет ли речь именно об этом праве, то Суд считает, что каждый из двух официальных текстов ст.6 п. 1 Конвенции (французский «*contestation sur*» - «оспаривание» и английский «*determination of*» - «определение») говорит не о тонких связях и отдаленных последствиях; гражданские права и обязанности должны быть очевидным предметом или одним из предметов «спора»; результат судебного процесса имеет прямое значение для установления этих прав.

Согласившись в этом с правительством, Суд не разделяет его мнения о том, что в данных делах не было прямой зависимости между вышеуказанными спорами и правом на дальнейшее занятие медицинской практикой. Решение о приостановлении профессиональной деятельности, принятое Советом провинции 30 июня 1971 г. в отношении д-ра Ле Конта и 24 октября 1973 г. в отношении д-ров Ван Левена и Де Мейера, лишало их, хоть и временно, права заниматься медицинской практикой. Именно это право и было предметом рассмотрения в Апелляционном совете и в Кассационном суде.

48. Практикующие врачи, являясь представителями свободных профессий, реализуют свое право на занятие медицинской практикой в частных правоотношениях с клиентами и пациентами; в соответствии с законодательством Бельгии, такие отношения обычно имеют форму договорных или квазидоговорных отношений, и в любом случае устанавливаются непосредственно между отдельными лицами; публичные власти не могут сколько-нибудь

существенным или определяющим образом вмешиваться в этот процесс. Таким образом, речь идет о праве частного характера, вне зависимости от специфики профессии врача, ее общественной значимости и тех особых обязанностей, которые с ней связаны.

Таким образом, Суд приходит к заключению о применимости ст.6 п. 1 Конвенции; как и в деле *Кенига* (см. вышеуказанное решение, с. 32, п. 95), Суд не считает необходимым изучать вопрос о том, является ли понятие «гражданские права» более широким, чем понятие «права, имеющие частный характер».

49. Два члена Комиссии, г-н Фровейн и г-н Полак, в своем особом мнении подчеркивают, что в настоящем споре затрагивался вопрос не об изъятии лицензии на медицинскую практику, как это было в деле *Кенига*, а о ее временном приостановлении на относительно небольшой срок: три месяца для д-ра Ле Конта, две недели - для д-ров Ван Левена и Де Мейера. По их мнению, такое временное приостановление не является вмешательством в гражданские права; оно может рассматриваться как простое их ограничение.

Эта позиция, которую правительство разделяет как «субсидиарную», не разделяется Судом. Обжалованное заявителями временное приостановление медицинской практики в противовес некоторым другим дисциплинарным наказаниям, которым они подверглись (предупреждение, порицание, выговор - см. п. 32 выше), явно представляет собой прямое и существенное вмешательство в осуществление права на медицинскую практику. Несмотря на временный характер, данная мера представляла собой вмешательство в это право (ср. *mutatis mutandis* вышеуказанное решение по делу *Голдера*, с. 13, п. 26); определение «гражданских прав и обязанностей», о чем говорит п. 1 ст.6 Конвенции, имеет целью не только подтвердить наличие этого права как такового, но определить также сферу его действия и условия, которыми лицо, обладающее этим правом, может пользоваться.

50. Поскольку оспариваемые решения должны рассматриваться как относящиеся к вопросу о «правах и обязанностях гражданско-правового характера», заявители имели право на судебное рассмотрение их дела, отвечающее требованиям ст.6 п. 1 Конвенции (см. решение по делу *Голдера*, с. 18, п. 36).

51. Фактически этим случаем занимались три органа: Совет провинции, Апелляционный совет и Кассационный суд. В связи с этим возникает вопрос, отвечали ли данные органы требованиям ст.6 п. 1 Конвенции.

(а) Суд не считает необходимым устанавливать, каким образом обстояло дело с Советом провинции. Несмотря на то, что статья 6 п. 1 гарантирует «право на суд» (см. п. 44 выше), государства-члены тем не менее не обязаны ограничивать рассмотрение гражданско-правовых споров процедурой, каждый этап которой должен проходить в «судах» в соответствии с установленными правилами. Предварительное вмешательство административных или корпоративных органов и даже *a fortiori* юрисдикционных органов, не во всем отвечающих необходимым требованиям, может оказаться оправданным в связи с требованиями гибкости и эффективности, вполне совместимыми с защитой прав человека; это отвечает правовой традиции многих стран-членов Совета Европы. В этом смысле Суд признает справедливость доводов правительства.

(б) Когда Совет провинции временно лишил д-ров Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера права заниматься профессиональной деятельностью, они обратились в Апелляционный совет.

По утверждению правительства, Совет не должен соответствовать требованиям ст.6 п. 1, т. к. его решения могут быть обжалованы в Кассационном суде, процедура в котором, без всякого сомнения, должна соответствовать этим требованиям.

Суд не согласен с подобными доводами. В отношении как гражданских, так и уголовных дел (решение по делу *Девеера* от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35, с. 24-25, п. 48) статья 6 п. 1 не проводит различий между вопросами факта и права. И те и другие имеют определяющее значение для исхода процесса, предметом которого являются «гражданские права и обязанности». И те и другие обоюдно значимы для осуществления «права на суд» (см. решение по делу *Голдера*, с. 18, п. 36) и для правового разрешения спора (см. решение по делу *Кенига*, с. 34, п. 98 in fine). Кассационный суд не рассматривает фактические обстоятельства, равно как не проверяет соразмерность вины и наказания (см. п. 33 выше). Это означает, что требования ст.6 п. 1 Конвенции будут выполнены только в том случае, если им будет отвечать Апелляционный суд.

2. О наличии «уголовных обвинений»

52. Принимая решение о приемлемости жалоб, Комиссия заявила, что органы Ордена врачей не должны были решать вопрос об обоснованности уголовных обвинений; Комиссия напоминает об этом в п. 67 своего доклада.

53. Суд считает излишним решать вопрос, который не поставлен заявителями перед Судом: как и в деле *Кенига* (см. решение, с. 32-33, п. 96) вопросы, относящиеся к нормам ст.6, о нарушении которых утверждают заявители, равнозначны в отношении как гражданских, так и уголовных дел.

В. О соблюдении статьи 6 п. 1 Конвенции

54. С учетом требования, установленного в п. 51, уместно выяснить, соответствовали ли по своим полномочиям Апелляционный совет и Кассационный суд требованиям ст.6 п. 1. Первый - потому что только он провел полную проверку мер, касающихся гражданских прав, второй - потому что он проводил окончательную проверку законности этих мер. Необходимо, таким образом, установить, являлся ли каждый из них «независимым и беспристрастным» судом, «созданным на основании закона», и осуществил ли он «публичное» разбирательство дела заявителей.

55. В отличие от Кассационного суда, в отношении Апелляционного совета как юрисдикционного органа имеются некоторые сомнения в том, может ли он быть назван судом в собственном смысле слова. В соответствии с судебной практикой Европейского Суда (см. решение по делу *Неймастера*, с. 44; решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 41, п. 78; решение по делу *Рингейзена*, с. 39, п. 95), заслуживающий названия суда орган должен соответствовать ряду требований: независимость от исполнительной власти, а также от сторон в процессе, продолжительность мандата членов суда, гарантии судебной процедуры - многие из этих требований фигурируют в самом тексте ст.6 п. 1 Конвенции. По мнению Суда, данный случай соответствует этому перечню с учетом приводимых далее уточнений.

56. Кассационный суд, несомненно, базируется на законе, поскольку он учрежден Конституцией (статья 95); Апелляционный совет, как отмечает Суд вместе с Комиссией и правительством, как и любой другой орган Ордена врачей, был создан на основании Закона от 25 июля 1938 г., реорганизован в соответствии с Королевским указом N 79 от 10 ноября 1967 г., который, в свою очередь, был основан на Законе от 31 марта 1967 г., передавшем королю некоторые полномочия (см. п. 20 выше).

57. Независимость Кассационного суда не может быть поставлена под сомнение (см. решение по делу *Делькура* от 17 января 1970 г. Серия А, т. 11, с. 19, п. 35). По мнению

Суда, который в этом вопросе согласен с Комиссией и правительством, это же можно сказать и об Апелляционном совете. В самом деле, в составе совета обеспечен паритет между практикующими врачами и судьями, председателем совета является судья, назначаемый королем, который имеет право решающего голоса в случае равного распределения голосов. Продолжительность мандата членов совета (шесть лет) также дает дополнительные гарантии (см. п. 26 выше).

58. Таким образом, беспристрастность Кассационного суда сомнений не вызывает (см. вышеуказанное решение по делу *Делькура*, с. 19, п. 35).

Что же касается Апелляционного совета, то Комиссия выразила мнение о том, что в данном деле он не является беспристрастным судом. Если судьи могут быть придерживаются нейтралитета, то врачи - члены этого совета - скорее отрицательно относятся к заявителям, т. к. их интересы близко соприкасались с интересами одной из сторон процесса.

Суд не разделяет данного мнения; присутствие в составе Апелляционного совета судей, занимающих половину мест, в том числе и место председателя с решающим голосом (см. п. 26 выше), является веским залогом беспристрастности, а система выборов врачей Советом провинции не является достаточным основанием для обвинения в пристрастности (ср. *mutatis mutandis* вышеуказанное решение по делу *Рингейзена*, с. 40, п. 97).

Что касается беспристрастности каждого из членов совета, необходимо полагаться именно на это, пока не будет доказано обратное; как подчеркивает правительство, ни один из заявителей не воспользовался своим правом на отвод (см. п. 31 выше).

59. Королевский указ от 6 февраля 1970 г. абсолютно исключает гласность как во время слушаний в Апелляционном совете, так и при оглашении его решений (см. п. 31 и 34 выше).

Ст.6 пункт 1 Конвенции содержит некоторые исключения из правила публичности судебного разбирательства, но данные исключения связаны с определенными условиями. Между тем, материалы дел не свидетельствуют о наличии условий для отмены публичности ни по одному из них. Ни характер нарушений, вменяемых заявителям, ни претензии заявителей к Ордену врачей по своему характеру не относились к сфере врачевания. В данном случае речь не шла о соблюдении профессиональной тайны или защите личной жизни этих врачей или пациентов. Суд в этом отношении не поддерживает мнение правительства. Среди всех оснований, перечисленных во второй фразе п. 1 ст.6, нет мотивов, которые могли бы оправдать закрытый характер разбирательства, да и само правительство не привело подобных мотивов.

Таким образом, врачи Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер имели право на открытое судебное разбирательство. Строго говоря, ни дух, ни буква ст.6 п. 1 Конвенции не препятствовали их добровольному отказу от публичного разбирательства (см. вышеуказанное решение по делу *Девеера*, с. 26, п. 49); и если такого рода разбирательство по дисциплинарным вопросам проходит при закрытых дверях с согласия заинтересованного лица, то это не является нарушением Конвенции. Однако в данном деле заявители явно желали и требовали проведения публичного разбирательства. Статья 6 п. 1 не позволяла им в этом отказать, поскольку данное дело не подпадало ни под один из случаев, перечисленных в пункте первом данной статьи.

60. Публичность процесса в Кассационном суде Бельгии не может компенсировать установленное упущение. Этот высший судебный орган «не рассматривает дело по существу» (ст.95 Конституции и 23 Королевского декрета № 79), так что многие аспекты «споров, связанных с определением прав и обязанностей гражданско-правового характера», уходят из-под его контроля (см. п. 33 и 51 выше). Следовательно, по вопросам, связанным с данным делом, не осуществлялось публичного разбирательства, равным образом и решение не было объявлено публично, как этого требует ст.6 п. 1 Конвенции.

61. Таким образом, дело заявителей не разбиралось «публично» в суде, обладающем полной компетенцией, что не соответствует ст.6 п. 1 в обстоятельствах данного дела.

III. О предполагаемом нарушении статьи 11 Конвенции

62. Заявители ссылаются на нарушение ст.11, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

По утверждению заявителей, обязанность вступать в Орден врачей (см. п. 21 выше) нарушает их право на свободу ассоциаций (которое предполагает также свободу не вступать в ассоциации) и выходит за рамки ограничений, установленных ст.11 п. 2; кроме того, само создание Ордена врачей ограничивает вышеуказанную свободу.

63. В своем докладе Комиссия единогласно выражает мнение, в целом сходное с утверждением правительства, о том, что по своей правовой природе и с учетом его чисто публичной функции Орден не имеет характера ассоциации в смысле ст.11 п. 1.

64. Суд констатирует, во-первых, что Орден врачей Бельгии - это институт публичного права. Созданный законодателем, а не частными лицами, он интегрирован в государственные структуры, в большинстве из его органов работают судьи, назначаемые королем. Орден преследует цель, представляющую общественный интерес, т. е. охрану здоровья людей, обеспечивая в соответствии с законодательством публичный контроль за профессиональной деятельностью врачей. В рамках данной компетенции Орден должен определить структуру и членство в нем. Для осуществления задач, которые бельгийское государство поставило перед ним, он пользуется в соответствии с законом очень широкими правами и полномочиями, в том числе, административными и дисциплинарными, и прибегает к процедурам, свойственным публичной власти (см. п. 20-34 выше).

65. С учетом всех приведенных выше обстоятельств, Орден не может быть признан ассоциацией в смысле ст.11. Кроме того, создание данного Ордена бельгийским государством не является препятствием для учреждения врачами или их присоединения к существующим профессиональным ассоциациям, в противном случае ст.11 Конвенции была бы нарушена. Тоталитарные режимы прибегали и прибегают до сих пор к созданию некоторых особых и закрытых организаций, принудительно загоняя в них лиц в соответствии с их профессиональной принадлежностью, тем самым подменяя ими традиционные профессиональные ассоциации и союзы. Авторы Конвенции имели в виду именно эти злоупотребления и пытались предотвратить их (*Recueil des Travaux preparatoires*, v. II, p. 117-119).

Суд отмечает, что в Бельгии существует множество ассоциаций, занимающихся защитой профессиональных интересов врачей, в которые доктора могут вступать или не вступать по собственной воле (см. п. 22 выше). При таких обстоятельствах, наличие Ордена врачей и, как следствие, обязанность врачей быть в его списке и подчиняться органам Ордена, не преследуют цели ограничения и тем более ликвидации права, гарантированного ст.11 п. 1 Конвенции.

66. Поскольку нет нарушения права на свободу, закрепленного ст.11 п. 1, нет необходимости рассматривать вопрос в свете п. 2 и устанавливать, закреплена ли в Конвенции свобода не вступать в ассоциации ст.11 Конвенции.

IV. Применение статьи 50

67. Во время слушаний адвокат заявителей обратился к Суду с просьбой предоставить им, в случае признания нарушения Конвенции, справедливое возмещение на основании ст.50. При этом он добавил, что «еще не может определить точную сумму возмещения в связи с возможностью компенсации, пусть даже и частичной, в соответствии с внутренним правом Бельгии».

Правительство относительно применения ст.50 не высказывалось.

68. Хотя данный вопрос поднят в связи со ст.47 Регламента, он должным образом не подготовлен. Суд откладывает его рассмотрение и считает, что при данных обстоятельствах следует направить дело в Палату в соответствии со ст.50 Регламента.

На этих основаниях Суд:

1. Постановил пятнадцатью голосами против пяти, что ст.6 п. 1 Конвенции применима в данном деле;

2. Постановил шестнадцатью голосами против четырех, что имеет место нарушение данной статьи, так как дело заявителей не разбиралось публично в суде, обладающем полнотой компетенции;

3. Постановил единогласно, что не было нарушения других жалоб заявителей по данной статье, а также ст.11 Конвенции;

4. Постановил единогласно, что вопрос о применении ст.50 не готов к рассмотрению:

(a) в связи с этим рассмотрение данного вопроса отложено;

(b) дело направлено в Палату согласно ст.50 п. 4 Регламента.

В соответствии со ст.51 п. 2 Конвенции и ст.50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей Кремона и Биндшедлер-Роберт, судьи Лиша, судьи Матшера, судьи Пинеиро Фариньи, судьи Петтити, судьи сэра Винсента Эванса, судьи Тора Вильямсона.